
ГЛАВА 1

Август 1902 года



Молодой граф Сергей Ратманов стоял на крыльце постоянного двора и с тоской взирал на низкие облака, скрывающие августовское небо, и на первые желтые листья, усыпавшие уложенную кирпичом дорожку, ведущую к конюшням. Холодный порывистый ветер, не свойственный этому времени года, врывается в каменную арку и, залихватски посвистывая, гонял по двору сердитых воробьев, забрасывая их сеной трухой, клочьями грязной соломы и потемневшими от дождя листьями.

Граф с ненавистью окинул взором постоялый двор, убожество которого он вынужден был созерцать с самого утра. Его изящная дорожная карета не выдержала недельной тряски по дорогам российского захолустья, и теперь местный кузнец с двумя помощниками пытались привести в порядок рессоры экипажа, но конца их трудам не предвиделось в ближайшие несколько часов.

Настроение молодого человека было под стать погоде, а скудость, грязь, закопченные стены придорожных трактиров и суетолака постоялых дворов, угнетавшие графа на протяжении всех дней путешествия, лишний раз напоминали о том, что блеск и веселье светской жизни утеряны для него если не навсегда, то по крайней мере на ближайший месяц. И находится он здесь по злой воле рока, вернее, по прихоти своей двоюродной бабушки — герцогини

Гилфорд, которую Сергей никогда в своей жизни не видел, но эта далекая английская родственница умудрилась испортить ему жизнь даже после своей смерти.

Граф взглянул на свои щегольские сапоги, потерявшие былое великолепие, хотел было позвать лакея Яшку, чтобы тот подал ему новую смену одежды и чистую обувь, но вспомнил, что парень дрыхнет сейчас на конюшне, а возвращаться назад и будить лентяя означало окончательно испортить себе настроение. Сергей уже давно пришел к выводу, что большего прохвоста, чем Яшка, свет не выдал.

Ветер проник под сюртук, напомнив в очередной раз, что граф не на Лазурном берегу, а в родной Российской империи, на окраинах Саратовской губернии. А заодно и о том, что блестящий красавец, мечта юных барышень и молодых вдовушек, Серж Ратманов прибыл сюда с единственной целью — жениться, и жениться по расчету.

Как ему не хотелось сюда ехать! Он находил тысячи отговорок, чтобы затянуть отъезд, но сроки подталкивали в спину, и вот наконец он здесь, под этим свинцовым небосклоном, с сердцем таким же тяжелым, как эти угрюмые тучи над его головой, с разрушенными надеждами.

Граф глубоко вздохнул. «Последний глоток свободы», — усмехнулся он про себя. До имения «Вишневое» осталось чуть более двух верст пути, а затем несколько шагов по узкой тропе к зияющей пропасти «супружеского счастья и блаженства».

У графа не было планов жениться в ближайшее время, но, не обвенчавшись до конца сентября, то есть до дня своего рождения, он терял все права на половину наследства, оставленного ему Анной Гилфорд, в пользу какого-то весьма дальнего английского родственника. По мнению старшего брата графа, Андрея, этого кузена с редкой фамилией Смит надо было утопить, едва тот появился на свет, как самого ничтожного человека из всех живущих ныне на земле. Житель далекого Альбиона был большим любителем карт, и за сорок лет своей бурной жизни успел промотать не только собственное наследство, но и усадьбу

жены, и приданое двух горемычных сестер, опекуном которых имел несчастье состоять.

Граф, конечно, понимал, что когда-нибудь он должен будет жениться. Он надеялся, что наступит тот подходящий момент, когда он позволит себе полюбить и любовь избавит его от тех неприятностей, которые, бесспорно, несет брак по расчету. А судить об этом он мог с полным основанием, исходя из плачевного опыта старшего брата.

Но годы проходили, пробегали, пролетали, а любовь так и не коснулась его сердца. И теперь эта женитба, которую его неугомонная бабушка, считавшая своим священным долгом заботиться о внуках после смерти их родителей, затеяла ради сохранения так некстати свалившегося на него наследства, была тем самым возмездием, постигшим Сергея после десяти лет веселой и беззаботной светской жизни. Через несколько часов он обвенчается с незнакомкой, которой едва исполнилось девятнадцать лет, положит голову на семейную плаху и... прощайте, милые друзья, славные подруги! На всю жизнь закуют его в кандалы супружеского долга в угоду спятившей старухе, которая и по-русски-то разучилась говорить, но вспомнила вдруг о клятвах своей молодости, чтоб ей пусто было в тот момент!

Граф, что совсем не подобало молодому человеку его воспитания, шепотом выругался и опять глубоко вздохнул. Что ж, все в руках Провидения, и ему остается лишь уповать на его волю! Он решительно открыл дверь и замер на пороге, пораженный внезапно наступившей тишиной за своей спиной. Казалось, ветер неожиданно стих. Ржание лошадей в конюшнях, перебранка конюхов и смех прислуги, развешивающей выстиранное белье на заднем дворе, — все это вмиг куда-то исчезло, растворилось, замерло в непонятном оцепенении. Сергей медленно повернул голову, и в следующее мгновение словно вихрь ворвался во двор и разрушил таинство тишины.

Молодая всадница, уверенно сидевшая в седле, подлетела к крыльцу, потом, слегка натянув поводья, перевела лошадь на шаг и проехала мимо. Она остановила свою гне-

дую кобылу у конюшен, окликнула одного из конюхов по имени и, не обращая внимания на его протянутую в помощь руку, весьма ловко спрыгнула на землю. Ласково похлопав лошадь по крутому крупу, девушка велела поставить ее в конюшню. Взмыленные бока животного указывали на то, что молодая хозяйка довольно продолжительное время гнала его взапуски, не разбирая дороги, и теперь оно нуждалось в тепле, отдыхе и яслях с овсом по крайней мере до следующего утра.

Девушка шла по дорожке, края ее зеленой накидки разлетались в обе стороны. Она напомнила графу свежий молодой листок, занесенный непоседой ветром в эту жалкую и грязную обитель. Лицо ее еще не остыло от стремительной скачки, щеки полыхали румянцем, а кожа, цвет которой напоминал слегка притомленные сливки, даже на расстоянии казалась нежной и шелковистой.

Господи боже! Что за прекрасное видение явилось ему? Неужели судьба сжалилась над ним и подарила напоследок встречу с красивойшей из всех женщин, коих ему приходилось встречать в своей жизни!

Граф Ратманов, разинув рот самым неприличным образом, не мигая смотрел на приближающуюся к нему молодую женщину. В мгновение ока он забыл о своем тщательно отработанном годами упражнении, слегка прищуренном, полунасмешливом-полупрезрительном взгляде, который не выдерживали даже опытные светские дамы и после заходились в истерике в душных своих будуарах, понимая, что Серж Ратманов так и не поддастся их чарам. А эта совсем юная девушка лишь слегка подняла в удивлении красиво очерченные брови и с любопытством посмотрела на него, когда проезжала через двор. Теперь ей оставалось сделать не более десяти шагов до крыльца, и за это время графу требовалось решить нелегкую задачу: стоит ли выяснять, кто она и откуда? Женитьбе это не должно помешать, но, с другой стороны, он только сейчас отчетливо осознал, в какую пропасть толкает себя, согласившись на этот вынужденный скоропалительный брак.

Он перевел дух и почувствовал, как сердце словно ос-

тановилось на мгновение, а потом зачастило быстро-быстро, как язык у торговки рыбой на одесском Привозе, отчитывающей привередливую кухарку. Незнакомка, подбрав юбки, не задумываясь, легко перепрыгнула через небольшую лужу у крыльца и быстро вбежала по ступенькам. Преодолев неожиданную оторопь, граф посторонился и пропустил девушку. Она прошла совсем рядом, но у двери обернулась и взглянула на него. Прямой, без тени испуга взгляд, несомненный ум, светившийся в прекрасных зеленых глазах, окончательно заставили его забыть, что уже этим вечером он должен стать мужем Анастасии Меркушевой.

Граф медленно и несколько церемонно склонил перед ней голову и совершенно не удивился, когда она развернулась и направилась к нему. Очевидно, его изысканные манеры и загадочное выражение, которое он тут же попытался придать своей физиономии, произвели определенное впечатление и на это неискушенное создание.

А девушка была очень молода, это он отметил при ближайшем рассмотрении и тут же забыл о своих уловках, а все тягостные и смутные мысли стремительно, будто птенцы из гнезда, выпорхнули из головы, и лишь одна продолжала настойчиво биться в голове: «Почему она так спешила? Неужели бежит от кого-то?»

Губы девушки шевельнулись, она что-то говорила ему, но искушенный жизнью молодой граф тем не менее стоял как последний болван и молча созерцал ее дивное лицо — заключенные в правильный овал прекрасно очерченные скулы, прямой, возможно, чуть-чуть короткий, чтобы считаться исключительно правильной формы, носик, почти совершенные, еще по-детски припухлые губы. И, как драгоценные изумруды, редкой красоты глаза, смотрящие на него с некоторым недоумением. Девушка опять что-то сказала и подошла к молодому человеку еще ближе, не понимая, почему тот так упорно не отвечает ей.

Но Сергей Ратманов лишился не только слуха: он оказался на грани того, чтобы окончательно потерять голову, ибо был полностью захвачен созерцанием этих дивных губ

и размышлением, многим ли молодым людям было позволено поцеловать это небесное создание?

Звук, родившийся в нежном горлышке, наконец достиг графских ушей и был подобен журчанию ручейка или нежному пению волшебной пастушьей свирели... Граф встрепенулся. Что она все-таки сказала?

— Сударь, вы случайно не глухонемой? — Девушка быстро взмахнула перчаткой у него перед глазами и с облегчением вздохнула. — Ну, то, что не слепой, это точно! — И требовательно повторила, очевидно, уже не в первый раз свой вопрос: — Вы понимаете, о чем я спрашиваю? Или вы иностранец и ни бельмеса не смыслите по-русски?

— Понимаю, сударыня, — ответил граф со смущенной улыбкой. — Простите меня великодушно за столь откровенное разглядывание, но ваша красота не только лишила меня дара речи, но и слуха.

Девушка скептически усмехнулась и обвела его насмешливым взглядом.

— Не говорите глупостей, сударь, то, что мы видим глазами, не способно помешать нам слышать, говорить или осязать что-либо. — Она нервно ударила небольшой кожаной плеткой по ладони, с очевидным смятием во взоре посмотрела на окна второго этажа, потом оглянулась на конюшню. Незнакомка явно волновалась, а новый ее вопрос поверг графа в состояние легкой паники.

— Скажите, вы случайно не граф Сергей Ратманов? — Она перешла на шепот. — Мне необходимо это знать. Простите за дерзость, но я вижу, что вы приехали издалека, а в нашей округе я всех знаю. Граф должен сегодня появиться, и мне надо срочно с ним поговорить. Так скажите же, не молчите, как пень! — Она гневно встряхнула головой, отчего капюшон накидки слетел с ее головы, явив свету тщательно уложенные в модную прическу великолепные темно-каштановые волосы.

Холодный ветер, вероятно, проник под легкую накидку, отчего девушка, пожившись, запахла ее плотнее. Господи, она опять смотрела на него! Мысли графа окончательно разбежались в разные стороны. О чем она его

все-таки спросила? Как его зовут? Но он, черт побери, совсем запамятовал и свое имя, и причину, по которой оказался в этой глуши, вдали от хороших дорог и прочих благ цивилизации... Поэтому, когда он вновь заговорил, то попытался избежать ответа на ее вопрос:

— Позвольте проводить вас в гостиницу, там намного теплее.

Сергей учтиво посторонился, пропуская девушку вперед. Мгновение она колебалась, но затем решительно шагнула через порог в открытую им дверь и быстро прошла по коридору в трактир.

Кто же эта прекрасная незнакомка? Возможно ли встретить богиню в этой богом забытой тмутаракани? А если это любовь и Провидение впрямь позаботилось о ее своевременном появлении?

Девушка тем временем скинула накидку и повесила ее на сгиб правой руки, а левой поправила волосы. В сумраке прихожей ослепительно блеснул белый атлас платья, усыпанный жемчугом, и граф почувствовал, как молниеносный удар словно пробил его сердце. Сергей замер, на лбу выступил холодный пот. Силы небесные! Наконец-то он, оступил этакий, догадался, кто стоит перед ним!

И никакая это не богиня, а его собственная невеста с пятнами грязи на подоле подвенечного платья с удивлением наблюдала, как вытягивается лицо смуглого красавчика, который на первых порах показался ей полнейшим идиотом. Чтобы прервать этот несколько затянувшийся процесс и придать лицу незнакомца исходные параметры, Анастасия строго взглянула на него и быстро прошла в обеденный зал.

Граф в полной растерянности проследовал за девушкой, теперь уже окончательно не понимая, как ему поступать в дальнейшем. Надо же быть таким олухом, чтобы не узнать собственную невесту! А ведь бабушка показывала ее фотографию, а один из его друзей, оказавшийся как-то в Москве два года назад на одном из балов, где в первый и последний раз появилась Анастасия Меркушева, описал ее довольно точно. Но Сергей тогда предполагал, что друг

преувеличивает ее красоту, дабы успокоить его: какой мужчина не опасается, что его нареченная окажется уродиной? Да и фотография, на которой она выглядела весьма хорошенькой, вполне могла оказаться делом рук ловкого ретушера.

Но, оказывается, его приятель абсолютно точно описал портрет девушки, а фотография не воспроизводила и десятой доли редкой красоты, очарования и того сияния молодости и чистоты, которыми лучилось лицо будущей графини Ратмановой. Всего лишь раз она одарила его слабым подобием улыбки, а он уже мечтает о том, как прильнет в поцелуй к этим нежным губам...

Однако!..

Граф перевел дух, и вдруг словно пелена спала с его глаз. Нет, это неслыханно! Внезапная вспышка гнева заставила его очнуться от сладостных грез и трезво оценить ситуацию.

Похоже, его здесь ни во что не ставят, иначе как можно объяснить появление его невесты на этом грязном постоялом дворе за несколько часов до свадьбы в подвенечном платье? Платье безнадежно испорчено, а в имении уже наверняка обнаружили ее исчезновение. Это скандал! Сергей представил реакцию Андрея, который верхом уехал в «Вишневое», чтобы предупредить о непредвиденной задержке, и чуть не схватился за голову. Тихая ярость росла в нем, как столбик термометра, приближаясь к точке кипения, и он с трудом сдержался, чтобы не взорваться, как переполненный паровой котел. Что себе позволяет эта юная особа! Неужели она и ее мать думают, что он с восторгом примет в свои объятия невесту, которая исчезает из дома за несколько часов до венчания и, ничуть не заботясь о подвенечном платье, на всем скаку преодолевает лужи? А их на ее пути, если судить по грязным разводам на подоле, было никак не меньше сотни...

Но что заставило ее так спешно отправиться в неблизкий путь? И уже новая догадка пронзила его сердце, а столбик термометра стремительно скользнул вниз, и нестерпимый холод проник в душу графа. А что, если эта решительная

девица затеяла побег с любовником, который дожидается ее теперь где-нибудь поблизости? Не зря же она то и дело пробегала взглядом по окнам второго этажа? Нет, не похоже! Зачем бы ей в таком случае искать встречи с женихом? Не проще ли исчезнуть под шумок, оставив его в полных дураках? Не-ет, слишком многое было поставлено на карту со стороны двух семейств, и она, как единственная наследница, должна понимать, чего лишится, если откажется выйти за него замуж. А если все-таки он ошибается?

Только теперь ему пришло в голову, что девушке, вполне возможно, тоже не по душе положение, в котором она оказалась по вине выживших из ума стариков, и она совсем не горит желанием идти с ним под венец. По крайней мере уже с первых минут знакомства он понял, что эта юная особа, несмотря на ангельскую внешность, весьма решительна, прямолинейна и не скрывается под маской фальшивой скромности. В другой ситуации он мог бы посчитать это несомненным достоинством, будь она совершенно посторонней женщиной, но с позиции будущего супруга подобный расклад вещей ему совсем не нравился. Неужели девушка настолько своенравна и капризна, что личные интересы заслонили все преимущества этой сделки, и не намерена ли она вести себя подобным образом после свадьбы? Неужто она собирается постоянно вмешиваться в его жизнь, в его дела и развлечения? Нет, этого он никогда не допустит! Слишком дорого он заплатил за наследство, чтобы отказать себе в маленьких радостях на некотором удалении от семейного очага.

Граф с досадой передернул плечами. Разве позволит он своей невесте в заляпанном грязью платье предстать перед многочисленными гостями, которые уже целую неделю съезжаются на эту сенсационную свадьбу, о которой гудит, завистливо шипит и ехидно ухмыляется бомонд обеих столиц. Новость о баснословном наследстве герцогини Анны Гилфорд облетела, похоже, весь земной шар и, воспроизведенная на страницах газет, несказанно удивила старую графиню Ратманову, бабушку Андрея и Сергея. Светские сплетники раздули состояние ее недавно скончавшейся

сестры до небывалых размеров, и теперь оно выражалось в цифре со многими нулями. А не известное доселе никому имя Анастасии Меркушевой, нежданной невесты одного из самых богатых женихов России, стало нарицательным, означаящим головокружительную удачу...

Пока граф пытался привести в порядок свои чувства и мысли, его невеста прошла в зал и решительно отдернула в сторону синий полотняный занавес, за которым оказалось нечто вроде отдельного кабинета, очевидно, для наиболее почитаемых посетителей. Девушка, не оглянувшись, молча шагнула вовнутрь и села за квадратный стол, покрытый неожиданно чистой льняной скатертью. Граф последовал за ней. В то же мгновение к ним подскочил половой, но Анастасия лишь повела бровью, и парень моментально исчез.

Девушка подняла глаза на молодого человека, которого до сей поры никогда не видела, но по непонятной причине обратила на него свое внимание и даже прониклась некоторым доверием. Она едва заметно вздохнула. Почему-то ей совсем не хотелось, чтобы этот привлекательный мужчина оказался тем самым ненавистным ей женихом, с которым она решила встретиться на нейтральной территории перед свадьбой, чтобы убедить его в недопустимости претворения в жизнь той дикой затеи, которую задумали ее дед и его бабка...

Она вновь посмотрела графу в глаза и весьма напористо спросила:

— Так вы граф Ратманов или я заблуждаюсь?

Граф встряхнул головой, избавляясь от наваждения. Один вид ее обнаженных плеч и несколько низкое для невинной невесты декольте взволновали его настолько, что он почти ощутил, как его пальцы касаются нежной кожи, скользят от шеи к груди и опускаются в маленькую ложбинку, замаскированную букетиком искусственных подснежников.

— Выходит, я не ошиблась, — со вздохом облегчения проговорила девушка. — Вы не граф Ратманов.

Граф несказанно удивился подобной фразе. Очевидно,

она приняла его движение головой за отрицание. Он набрал воздуха в легкие, чтобы высказать своей непутевой невесте все, что он думает по поводу ее совершенно безрассудного поступка. Но слова застряли у него в горле, так что ему ничего не оставалось, как разразиться оглушительным кашлем в ответ на ее следующий вопрос:

— А вы случайно не его друг — господин Багрянцев?

— Да! — быстро ответил Сергей и опять закашлялся. Толстый и ленивый Фаддей отлеживался сейчас в постели в комнате на втором этаже после утомительного путешествия, в которое сам же и втянул графа. Его тонкая поэтическая натура не выдержала тягот странствий по проселочным дорогам. Золотые нивы, которые он так трогательно и лирично описывал перед отъездом, были серы и унылы, прибиты к земле дождем и ветром. Вместо пения жаворонка их всю дорогу сопровождало надсадное карканье ворон, лай деревенских собак да крики и ругань Яшки, который несколько раз слетал с облучка от тряски по отечественным кочкам и колдобинам. Кучер весело хохотал, Андрей усмехался, а Фаддей, тупо уставившись в окно полусонным и оттого туманным взором, пытался настроить Сергея на очередное созерцание красот природы, но тут же засыпал и начинал оглушительно храпеть, мешая братьям не только сосредоточиться на собственных мыслях, но и обсудить кое-какие накопившиеся за время поездки вопросы.

Андрей уже неоднократно корил брата за столь опрометчивое решение отправиться в имение Меркушевых в карете, гораздо проще было доехать до Нижнего Новгорода поездом, а там нанять дорожный экипаж. Этот вариант на целых три дня сокращал путешествие, но Сергей все рассчитал так, чтобы увидеть свою невесту непосредственно перед тем, как отправиться в церковь. Чтобы не мучиться долго, как объяснил, глубокомысленно наморщив при этом лоб, Фаддей...

— Да! — теперь уже более решительно произнес граф.

Ну вот, какой черт занес его вдруг на эти галеры? И кто

его тянул за язык выдавать себя за толстого увальня, которого и в Москве, и в Петербурге каждая собака знает.

— Я Фаддей Багрянцев, друг графа Ратманова. — Он слегка насмешливым взглядом оглядел неизвестно почему зардевшуюся невесту и мысленно перекрестился: ну теперь куда кривая вывезет! Мосты сожжены, но, возможно, получится узнать, что привело его неподражаемую красавицу невесту в этот грязный кабаk на первом этаже дожившего до дряхлого возраста постоялого двора.

ГЛАВА 2

Граф Ратманов смотрел, как тонкие пальцы его невесты перебирают край накидки, вышитой зеленым шелком более темного цвета. Небольшая морщинка между девичьих бровей говорила о том, что она серьезно озабочена. Сергей окинул взглядом ее хрупкую фигурку, и сердце его неожиданно сжалось. Впервые в жизни ему захотелось взять женщину на руки, сжать в своих объятиях и защитить от тех огорчений и невзгод, которые вдруг обрушились на ее худенькие плечи.

Девушка продолжала молчать. Взгляд ее, несколько рассеянный, скользил то по затоптанному деревянному полу, то по сапогам Сергея, отчего он постарался спрятать ноги под стол. Затем Анастасия машинально принялась наматывать на палец шелковую нитку, нисколько не заботясь о том, что тем самым уничтожает красивый орнамент, украшавший ее накидку. Граф хотел предупредить ее об этом, но его невеста в последний раз остановилась взором на черно-белой кошке, вольготно развалившейся на подоконнике низкого окна среди пышных зарослей герани и фуксии, и подняла глаза на своего нового знакомого. Морщинка между бровей разгладилась, и она произнесла строго и решительно:

— Я прошу вас, господин Багрянцев, уделить мне несколько минут. Я читала некоторые ваши стихи, э-э... — Она слегка замялась, а граф усмехнулся про себя. Неужели

она пытается подобрать слова, чтобы выразить свое восхищение той галиматьей, которая называлась «стихи Фаддея Багрянцева». Парочку его перлов о розах, любви и слезливых томлениях романтической души он прочитал впервые лет семь назад, и с тех пор его никто не заставил бы читать подобные «розовые слюни», как их весьма справедливо называл Андрей. Но девушка, похоже, решила не касаться столь шепетильной темы и не курить фимиам человеку, которого она впервые в жизни видит.

— Господин Багрянцев, — она оставила в покое накидку, но зато вытащила из ее кармана тонкий кружевной платочек и принялась тискать его в ладонях, — я наслышана о вашей порядочности и джентльменском отношении к дамам. (Граф едва удержался, чтобы не хмыкнуть по этому поводу.) Вы человек здравого ума, и мне будет ценно ваше мнение. Я оказалась в крайне затруднительном, если не сказать в отчаянном, положении, и мне нужен ваш совет.

— А вы уверены, что можете довериться мне, ведь, по сути дела, мы с вами совершенно незнакомы? — спросил граф строго и с явным намеком на то, что этого как раз и не следует делать.

Но девушка, кажется, вовсе не обратила внимания на тон, с каким были произнесены эти слова. Она опять глянула на окно, на котором все та же кошка усердно намывала гостей, и, закусив нижнюю полную губку, ответила:

— Я сейчас в безвыходной ситуации, и рядом со мной не оказалось человека, у которого я могла бы попросить совета и убедиться в правильности моих намерений. Но вы производите впечатление человека открытого и доброжелательного, что уже само по себе располагает к доверию. Я рассчитываю на вашу порядочность и надеюсь, что все, о чем мы с вами будем говорить, не распространится дальше этих стен. — Анастасия вздохнула и вдруг, перекрестившись, прошептала: — Господи, что же я все-таки делаю? — Девушка протянула руку и положила ее поверх мужской ладони. — Я не задержу вас слишком долго, вскоре сюда доставят мои вещи, а до этого времени я должна окон-

чательно решить, что мне делать дальше. Мне нужно знать, насколько я права, поступая подобным образом.

«Вещи? Какие еще вещи?» — удивился про себя граф, но тут его мысли переключились на то, как не допустить, чтобы девушка убрала свою руку. И Сергей поспешил накрыть ее своей второй ладонью, полностью отдавшись необычному ощущению, вобравшему в себя и нежность, и умиление, и восхищение, и радость. Подобное чувство он испытывал впервые и поэтому так и не смог подобрать точного определения тому состоянию, которое обычно называют щенячьим восторгом. Тепло ее пальцев растопило ледок, сковавший его душу при мысли, что его невеста замыслила нечто такое, что способно привести к самым непредсказуемым последствиям. Но разве мог он противиться ее просьбе? Поэтому он лишь слегка сжал ее руку, приглашая продолжить разговор. Девушка улыбнулась в ответ так открыто и доверчиво, что сердце графа окончательно растаяло, а гнев и негодование, вызванные ее сумасбродным поведением, уступили место любопытству и желанию узнать, в чем же состоит ее отчаянное положение.

Ну что ж, какова бы ни была ее вина, в конце концов, она не смертельна, и он незамедлительно простит ее, как только она расскажет о своих затруднениях, и, несомненно, откроет ей правду, кто он на самом деле. А пока следует выслушать все, что его невеста собирается поведать милому, безвредному, бесхитростному и чувствительному Фаддею Багрянцеву.

— Я к вашим услугам, Анастасия.

— Но откуда вы знаете, кто я? — Девушка выдернула свою руку из его ладоней и вскочила на ноги. — Я, кажется, не называла своего имени?

— Не полагаете же вы, что об этом трудно догадаться? Вряд ли отыщется еще одна столь обворожительная девушка в подвенечном платье, которая заинтересовалась бы графом Ратмановым, не будучи его невестой.

— Да, да, вы правы, — вздохнула девушка и вновь опустилась на стул. — Выходит, вы сразу же знали, кто я?

Граф едва заметно усмехнулся и, руководствуясь негласной инструкцией завязтых сердцеедов, ответил:

— Я выглядел бы откровенным глупцом в ваших глазах, если бы тотчас не догадался об этом. Граф Ратманов говорил мне, сколь прекрасна его невеста и сколь разумна, — он попытался голосом подчеркнуть последнее слово, но девушка опять не обратила на это никакого внимания. Взгляд ее вдруг изменился, и она подозрительно посмотрела на высокого красивого мужчину, наружность которого никак не вязалась с ее представлением о внешнем облике поэтов. Где эта золотистая кипень кудрей, где бледность щек и томный взгляд?

Сидящий напротив нее молодой человек был крепким, широкоплечим, хорошо загоревшим, а его аккуратно подстриженные по последней моде темно-русые волосы совсем не напоминали воронье гнездо на головах ее парижских приятелей, мнивших себя литературными гениями. Неужели этот человек автор идиотских стихов, которые она высмеяла накануне в кругу подруг матери, закатывающих глаза от предвкушения встречи с неподражаемым Фаддеем Багрянцевым. И хотя ее новый знакомый совсем не вписывался в образ изможденного романтическими бреднями или модернистскими изысками молодого поэта, она уже сделала первый шаг, теперь предстояло сделать второй... Но прежде следовало поставить на место этого самоуверенного Орфея, с необычайно яркими голубыми глазами, смотревшими на нее с некоторой долей нахальства и язвительности.

— Ради бога, господин Багрянцев, оставьте ваши амуры! Я вас насквозь вижу, и я не из тех слезливых барышень, которым вы посвящаете свои стихи. — Девушка с вызовом посмотрела на собеседника и продолжала, несколько уменьшив порцию яда в своих словах: — Я нуждаюсь в практическом совете, и мне некогда амурничать, когда вот-вот появится мой жених. А я вовсе не горю желанием видеть его и объяснять, почему я оказалась здесь.

Теперь настала очередь графа вскочить со своего места.

— Но всего несколько минут назад вы хотели поговорить с ним? — воскликнул он.

— Этого времени мне хватило, чтобы передумать, — довольно прямолинейно ответила Анастасия. — Надеюсь, его сиятельство переживет сообщение, что я раздумала выходить замуж. Я не лошадь, на которую достаточно набросить узду и она поскачет в нужном направлении. Поэтому сегодня я уезжаю на прииски в Сибирь. Там у меня много дел, а граф пусть ищет себе другую невесту, время у него еще есть, и потеряет он при этом немного, всего лишь половину того, что ему завещала герцогиня.

— Но вы-то лишаетесь гораздо большего! Насколько я знаю, ваш дедушка поставил более жесткие условия: вы полностью теряете права на его наследство, если не выйдете за графа!

— У меня достаточно средств, которые мне оставил мой отец, и, кроме того, у меня есть несколько перспективных золотых и железных рудников, которые, надеюсь, не дадут умереть мне с голоду.

— Вы сошли с ума! — прошептал потрясенный граф. — Я никак не ожидал, что невеста моего друга способна на подобное безрассудство!

— Ваш друг отъявленный повеса и бездельник! — Девушка рассмеялась, глядя на ошеломленного подобным заявлением Сергея, и уже более серьезно добавила: — Мне все уши прожужжали о его любовных победах, боксерских поединках и купаниях в море с кордебалетом Мариинки. Но о чем я говорю, вы, судя по всему, являетесь обязательным участником забав этого великовозрастного лоботряса.

Граф был сражен наповал. Он не был готов к подобному повороту событий. Анастасия обезоружила его своей красотой и доверчивостью и вдруг нанесла такой удар, который был не просто неожиданным, он был убийственным. Но тем не менее он сумел взять себя в руки и даже улыбнуться в ответ на ее не слишком лестное замечание в его адрес.

— Даже не знаю, — сказал он, — сердиться ли мне или, наоборот, благодарить тех, кто постарался предупредить

вас об опасностях, которые подстерегают молодую и неопытную девушку при встрече с таким прожженным мерзавцем, как мой друг.

— Вы шутите или я права в своих предположениях? — спросила девушка. — Слухи о нем весьма противоречивы, кое-кто отзываясь о нем как о порядочном и честном человеке. Достаточно одного — он не хочет этого брака, а я не могу жить с мужем и помнить всю жизнь о том, что он вынужден был жениться на мне. Я намерена отказаться от подобного счастья и хочу передать вам письмо, в котором объясняю графу причину своего нежелания выходить за него замуж.

— Но Сергей хочет этого брака, я сам неоднократно слышал, как он говорил своему старшему брату: «Я хочу жениться на Анастасии Меркушевой, чего бы это мне ни стоило!», а недавно он зашел ко мне и более часа рассказывал о вашей несравненной красоте, уме, образованности...

Девушка быстро посмотрела на него и тут же отвела взгляд.

— Вы слишком легко об этом говорите, господин Багрянцев, — сказала она тихо. — Боюсь, что вы только упрочили мои подозрения о графе Ратманове.

— Вы полагаете, что я вас обманываю?

— Нет, я надеюсь, что вы порядочный человек, но вы слишком уверенно об этом сказали, не задумываясь ни минуты. Так говорят, когда хотят убедить человека в обратном.

— Возможно, вы правы. Но я, как ближайший друг вашего жениха, чувствую себя крайне неловко в той ситуации, в которой оказался, откликнувшись на вашу просьбу... — он не успел договорить. Дверь распахнулась, и в трактир ввалился здоровенный парень с веснушчатым лицом и курносый носом. Он радостно улыбнулся, завидев Анастасию.

— Все готово, барышня! Вещи я привез, как договаривались! — и он подал девушке небольшой саквояж. — А дома после вашего отъезда что творится, не приведи господь! Барыня велела всю усадьбу обыскать, по всей округе лакеи

верхами рыщут, пытаются вас найти. Ульянка ревом ревет, что вас прозевала. С трудом удалось мне улизнуть. — Тут парень заметил графа, отошедшего к окну, и, скорчив многозначительную гримасу, прошептал: — А это ненароком не ваш ли жених, барышня?

— Успокойся, не он, — девушка оборвала слишком любопытного слугу. — Спасибо тебе, а сейчас отправляйся домой и смотри, ни слова, что видел меня здесь!

Парень исполнил движение, отдаленно похожее на поклон, и, бросив еще один любопытный взгляд на незнакомого барина, скрылся за дверью.

— Теперь я вижу, что вы настроены весьма решительно, — Сергей подошел к Анастасии, взял из ее рук саквояж и поставил на лавку возле стены. — И это все ваши вещи?

Девушка нахмурилась, отвернулась от него, подошла и села рядом с саквояжем, но вдруг закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Граф ощутил неодолимое желание обнять ее, поцеловать, успокоить. Но Анастасия неожиданно рассмеялась и, приложив на мгновение платок к глазам, улыбнулась.

— Только не думайте, что я плачу из-за вашего друга. Я не из тех глупых наседок, что только и мечтают поскорее выскочить замуж.

Девушка поставила саквояж на колени, открыла его, быстро заглянула вовнутрь и тут же захлопнула. Молча накинула накидку на плечи, прикрыла капюшоном свои чудесные волосы.

Сергей тем временем решал, стоит ли ему признаваться в том, кто он на самом деле, так как все указывало на то, что его невеста вот-вот покинет стены постоялого двора. А этого он ни в коем случае не хотел допустить. Но вместе с тем он еще не узнал, почему она решилась на подобный поступок, что такое сверхпредосудительное услышала о нем, что решилась совершить побег, поставив тем самым под угрозу свое и его будущее. В какой-то момент ему пришла в голову мысль, что он совсем не желает искать себе другую невесту, хотя Анастасия Меркушева, насколько он

сумел понять, вовсе не была подарком судьбы, как он смел надеяться в первые минуты их знакомства.

Девушка достала зеркальце и быстро промокнула вновь набежавшие слезы. Граф пододвинулся к ней ближе, взял из ее рук платочек и бережно вытер слезинку, только что сорвавшуюся с ее ресниц и оставившую влажный след на щеке.

— Вы рассказали мне, что ваших ушей достигли весьма нелестные слухи о его сиятельстве. Думаю, сплетники хорошо постарались, чтобы уведомить вас о похождениях моего друга, истинных и мнимых, особенно когда стало известно о сумме его наследства. Я прав в своих подозрениях?

Анастасия глубоко вздохнула. Очевидно, этот разговор ей был крайне неприятен. Граф отметил, как внезапно побледнели ее щеки, но девушка мужественно выдержала его испытующий взгляд и ответила, чуть-чуть нахмутив брови:

— Да, мне пришлось услышать такое, что, будь вы на моем месте, господин Багрянцев, незамедлительно задумались бы о том, не совершаете ли ошибку, выходя замуж за подобного... — Она замолчала, словно не решилась произнести слово, которое в полной мере могло бы обозначить поведение непутевого графа, но потом продолжила: — Его похождения просто отвратительны. Но и это еще не все: ходят слухи, что он... что у него до сих пор... есть любовница. — Девушка побледнела еще больше. — Я не желаю, чтобы обо мне судачили в свете и откровенно хихикали за спиной, когда я выйду замуж. Я прекрасно понимаю, что в основе нашего брака будет лежать лишь голый расчет, но вместе с тем я рассчитываю на уважение, которое проявит ко мне мой будущий муж. За те деньги, которые он получит благодаря мне, я не смогу купить его любовь, но я не желаю быть бессловесной игрушкой в его руках.

«Да уж, — подумал про себя граф, — ты, милочка, похоже, и черта заставишь под свою дудку плясать!» Но вслух спросил, постаравшись выразить голосом весь свой гнев и негодование по поводу услышанного:

— У графа есть любовница?! Нет ничего гнуснее сплетен и слухов, милая Анастасия, и не надо слепо верить им.

Сергей был в некоторой растерянности. Осведомленный о способностях светского общества обглаживать до костей любую жертву, он даже не подумал о том, что найдутся доброхоты, которые посмеют сообщить его будущей супруге, что ее нареченный отъявленный донжуан. Но кто же оказался настолько жестоким, настолько низким человеком, чтобы подобным образом помешать их свадьбе? Он мог назвать дюжину известных ему в свете услужливых негодяев. Граф Ратманов с неподдельной горечью подумал, что число его тайных недоброжелателей вообще не поддастся счету.

И самое главное, что это не имело ничего общего с действительностью. В это было трудно поверить, но у него никогда не было любовниц. Короткие, ни к чему не обязывающие связи, ровно столько, чтобы быть всегда в форме, и никаких содержанок! Многие его друзья, не успев моргнуть глазом, оказались в весьма неприглядном положении. Алчные красотки ставили их на грань разорения, выжывая деньги, требуя все новые и новые наряды, украшения и драгоценности.

— Я слышала, он сильно любит эту женщину, — прошептала Анастасия, не поднимая глаз. — Говорят, она красива и умна. — Девушка попыталась встать с лавки, но граф удержал ее.

— Не спешите, дорогая! Даю вам слово, что граф Ратманов еще не скоро здесь появится, а до этого я постараюсь развеять ваши сомнения и отвезу вас в имение.

— Домой я не вернусь! — Девушка упрямо посмотрела на того, кого считала приятелем своего жениха. — Я своих решений не меняю, и мне не нужен этот чертов кот в мешке по имени граф Ратманов!

«Ну, если уж кто-то из нас и является котом в мешке, так это ты, голубушка!» — подумал Сергей, но вместе с тем постарался выдавить из себя улыбку и как можно доброжелательнее попросил:

— Ради бога, не спешите, иначе вы сделаете непопра-

вимую ошибку. Честно говоря, я впервые от вас услышал, что у графа есть любовница...

— Никогда в это не поверю! — воскликнула Анастасия и смерила его взглядом. — Зря я к вам обратилась. Вы же друг графа и из чувства локтя не выдадите своего приятеля. — Она решительно встала и подхватила свой саквояж. — Прощайте, господин Багрянцев. Меня ждет экипаж.

— Какой еще экипаж! — вскричал граф и схватил ее за руку. — Вы не можете просто так уехать!

— Еще как могу! — с вызовом ответила девушка. — Вот только переоденусь в более подходящее для дороги платье и уеду отсюда. — Она высвободила свою руку из его пальцев и быстро прошла к дверям. На пороге остановилась, достала из кармана накладки небольшой конверт и подала его молодому человеку. — Прошу вас, передайте это графу. Здесь я все объясняю, а на словах скажите, что я не хочу обходиться малым. Мне нужно все или ничего! — она горделиво вздернула подбородок и перешагнула через порог.

Граф медленно проводил взглядом высокую грациозную фигурку своей невесты, с яростью скомкал конверт и сунул его в карман сюртука. Потом со всех ног бросился на второй этаж, где уже три часа подряд отсыпался настоящий Фаддей Багрянцев.

ГЛАВА 3

Поэт лежал, задрав ноги на спинку кровати, и листал журнал двухлетней давности, который он обнаружил на подоконнике. Увидев графа, он быстро сел на постели и с удивлением уставился на взволнованного приятеля.

— Что случилось, Сережа? Война или землетрясение? — спросил он.

— Оставь свои дурацкие шуточки, Фаддей! Я попал в чертовски неприятную ситуацию! Минуту назад внизу, в трактире, я разговаривал со своей невестой и в силу обстоятельств назвал ее твоим именем...

— О боже! Она что же, не узнала тебя?

— Естественно, не узнала, — недовольно проговорил граф. — Но дело не в этом. Эта девица совсем не то ангельское создание, о котором мне твердили родственники на протяжении последних двух месяцев. Она весьма эмансипирована и, похоже, не так сговорчива, как мне ее представляли.

— И в чем же она несговорчива?

— А хотя бы в том, что не желает выходить за меня замуж. Ты бы видел, в каком виде она появилась на постоялом дворе: верхом на лошади, в заляпанном грязью подвенечном платье!.. И я не смог отказать себе в удовольствии предоставить ей свою жилетку, в которую она с наслаждением поплакалась!

— И что же она тебе наплакала?

— Многое, но главное, что я не сумел убедить ее вернуться домой. Дело в том, что кто-то сообщил ей, что у меня якобы имеется любовница, и гордая Анастасия решила взбрыкнуть, как норовистая лошадка, и умчаться к черту на рога, куда-то в Сибирь, подальше от постылого жениха.

— Интересная картина получается, братец мой! Ты что же, втайне от меня кого-то себе завел?

— Знаешь, не так бы обидно было, если бы завел, но выслушивать несправедливые обвинения — это выше моих сил! — Сергей устало опустил на стул. — Но видел бы ты ее, Фаддей! Она действительно очень красива, просто потрясающе красива!

— О! — Фаддей с веселым изумлением уставился на приятеля. — Уж не влюбился ли ты в нее?

— В это своенравное, капризное и непредсказуемое создание? Да упаси бог! — вскрикнул граф в негодовании и даже привстал со стула. — Разумеется, нет. Более того, я намерен сейчас применить силу, посадить ее в свой экипаж и доставить в имение матери. И там, на месте, уже будем решать, что делать дальше. Возможно, я и сам откажусь жениться на ней. — И тут молодой человек подумал, что любая из знакомых ему женщин готова была бы любой

ценой не упустить шанс стать женой графа Ратманова, несмотря на его репутацию Казановы, но только не та, которую ему послало Провидение и, словно в насмешку, тут же пытается отобрать! Ну, нет, черт возьми! Не на того напали, сударыня!

Минуту граф задумчиво смотрел в окно, потом вскочил со стула и решительно запахнул плащ.

— Нет, Фаддей, я передумал! Я еду с ней! Она решила сыграть со мной злую шутку, ну и я не останусь в долгу!

— Ты что задумал, сумасшедший? — Фаддей встал с постели и с испугом в глазах наблюдал, как его приятель хватается свои вещи и запикивает их в портплед. — У тебя же только два часа в запасе, чтобы успеть к венчанию!

— К венчанию без невесты? Представляешь, какой повод появится у нашей знати хохотать до упаду?

Сергей проверил, на месте ли бумажник, потом подошел к ошеломленному приятелю, молча достал из его внутреннего кармана портмоне, так же молча опорожнил его, возвратил хозяину и только тогда соизволил пояснить свои действия:

— Деньги я тебе скоро верну. А сейчас я решил ехать вместе с ней. И даю тебе слово, что еще до Москвы она будет моей...

— Но зачем такие сложности, Сережа? — прервал его Фаддей. — Скоро вы обвенчаетесь, и твоя невеста и так станет...

— Моей женой? Но ты не понял меня, дорогой! Я никогда не женюсь на ней. Я сделаю Анастасию Меркушеву своей любовницей, причем она сама бросится мне на шею, а потом я ей объясню, что к чему, и отправлю домой.

— Но это же скандал! В обществе тебе этого не простят, и ни одна девушка из порядочной семьи не пожелает выйти за тебя замуж.

— А мне на это наплевать! Есть одна прелестная женщина, которая разведена с мужем, но это не умаляет ее достоинств, вот с ней-то я и свяжу свою судьбу!

— Ты имеешь в виду... — задумчиво протянул Фаддей. — Но я считал, что она заинтересует Андрея?

— Ее заинтересует тот, кто первым сделает предложение. А так как Андрей, надеюсь, некоторое время пробудет здесь, чтобы замять скандал и утешить милую Меркушеву-старшую, то я успею опередить его.

— Ну, ты, Сергей, и мерзавец! — вдруг расплылся в улыбке Фаддей. — Такие таланты скрывал, и столь долгое время. Ты же самого змея-искусителя собираешься переплюнуть.

— Просто я хочу соответствовать своей репутации повесы, бездельника и распутника. Фаддей, прости, но на некоторое время я намерен воспользоваться твоим именем.

— Но как же так! — вскричал в растерянности поэт, но окончательно обезумевший приятель уже не слышал его громких протестов. Сбежав в мгновение ока по лестнице на первый этаж, Сергей миновал коридор, выбежал во двор и едва успел вскочить на подножку старенького экипажа, увозившего Анастасию Меркушеву в сторону Москвы. Оглянувшись, он заметил растерянную Яшкину физиономию, который, видно, только что пробудился ото сна и теперь, ничего не понимая, с тоской наблюдал, как его барин уносится в неизвестные дали, стоя одной ногой на подножке обшарпанного экипажа. Потом граф махнул на прощание рукой высунувшемуся из окна Фаддею и что-то орущему во весь голос вслед своему отчаянному другу. Усмехнувшись, он распахнул дверцу и плюхнулся на сиденье напротив своей обворожительной невесты. Девушка смотрела на него с неподдельным ужасом и, кажется, с трудом нашла в себе силы прошептать:

— Что вы себе позволяете, господин Багрянцев?

— Просту простить меня за вторжение, — граф виновато взглянул на нее, — но в последнюю минуту я решил сопроводить вас до Москвы и, если понадобится, на край света.

— Простите! — Анастасия уже пришла в себя и высокомерно оглядела мужчину, который так неожиданно смешал все ее планы. — Я как раз и не собираюсь в Москву. Я еду до Самары, затем на пароходе до Казани, а в Казани

сажусь на поезд и еду в Красноярск. Там мой дом и управление приисками.

Граф почувствовал неприятное жжение в груди. И действительно, разве только из Москвы можно доехать до ее земли обетованной. Кажется, девица лучше его ориентируется в географии, а может быть, она просто пытается запутать следы? Следуя уже сложившейся тактике поведения, граф, не выдав голосом закравшегося подозрения, сказал:

— Куда бы вы ни направлялись, сударыня, я повсюду буду сопровождать вас. Я не могу отпустить невесту моего друга одну-одинешеньку куда-то к черту на кулички!

— Вы меня очень обяжете, если немедленно покинете экипаж! — сухо проговорила Анастасия, и граф заметил, как сжались в кулаки маленькие изящные руки. — Позвольте мне самой решать, куда и с кем ехать. Вы, сударь, большой наглец и добрый пройдоха, если полагаете, что я позволю вам сопровождать меня. Шпиона решили из себя изобразить, не так ли, граф Эстергази¹?

— Почему вы так вдруг изменили обо мне свое мнение, Анастасия? — Ратманов неожиданно для себя опустился на колени прямо на затоптанный пол кареты и прижался губами к ее руке. Девушка вздрогнула, попыталась высвободить руку, но Сергей с силой сжал холодные ладони и тихо проговорил: — Клянусь всеми святыми, я не причиню вам никакого вреда! — и с тоской подумал, что уже который раз за этот день солгал, потому как мечтал лишь об одном — о скором и неминуемом наказании для этой глупой и самоуверенной девчонки. К сожалению, время, отведенное ему судьбой для приведения приговора в исполнение, уменьшалось до двух, самое большее до трех суток. А это был дьявольски короткий срок даже для записного ловеласа и мошенника, к числу которых он никогда не

¹ Эстергази — майор Генштаба французской армии, шпионивший в пользу Германии. Вместо него был обвинен и осужден в 1895 году за шпионаж капитан Дрейфус, еврей по национальности. Дело Дрейфуса получило большой общественный резонанс.